

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА. ВЫСТАВКИ.¹

[98]

Въ Петербургѣ наступилъ періодъ выставокъ. Одна картинная выставка открывается за друой. Такъ называемая „большая публика”, — попросту толпа, — равнодушная ко всему, что не тревожитъ ея сытости и благополучія, усердно посѣщаетъ и „академистовъ”, и „передвижниковъ”, и „декадентовъ”, тупо глядитъ оловянными глазами на разные „сюжеты” и вяло изрекаетъ свои сужденія.

Что ей Гекуба?!

Газеты полны отчетовъ о выставкахъ и сообщеній о поведеніи „разрѣшившихъ” эти выставки цензоровъ. Изъ чувства брезгливости я предпочитаю обойти молчаніемъ этотъ типичный моментъ современной художественной жизни Петербурга.

Теперь въ Петербургѣ шесть выставокъ. Всѣ онѣ картинныя, но собственно-художественныхъ изъ нихъ только двѣ: выставка „Міръ Искусства” и „Новаго общества художниковъ” (въ Академіи Наукъ). Это, впрочемъ, не значить, что на остальныхъ четырехъ совсѣмъ нѣтъ ничего примѣчательнаго. Наоборотъ, и на „Весенней” и на „Передвижной” и даже на двухъ выставкахъ, помѣстившихся въ залахъ Пассажа, есть кое-что интересное; но все это тонетъ въ такомъ хламѣ, въ такой рутинѣ и часто безграмотной безвкусицѣ, что какъ-то языкъ не поворачивается назвать такія выставки художественными.

На „Передвижной” выставкѣ, конечно, имѣется вся обычная, до ужаса надоевшая передвижническая бутафорія: имѣются грязно наляпанные „Сѣрые люди”, есть „Пролетаріи”, имѣется вялое изображеніе группы деревьевъ, сквозь вѣтви которыхъ видно зарево: это — „Пожаръ Прѣсни”, имѣются

---

¹ К. Сюннерберг, «Художественная жизнь Петербурга. Выставки», *Золотое руно*, 1906, №3, 98-103.

бездомно сдѣланныя и на полотнѣ никому не нужны „Баррикады”, имѣется вылизанная баба съ ребенкомъ, о которой въ каталогѣ сказано, что она „бѣдная”, есть просто баба, безъ ребенка, но съ половой тряпкой, при чемъ въ каталогѣ особое вниманіе гражданъ обращено на то обстоятельство, что баба эта нанята „одной прислугой”. Здѣсь зрителю предоставляется широкое поле для размышленія на тему объ экономическомъ неравенствѣ и проч. Я готовъ согласиться, что баррикады—это хорошо, и что служить одной прислугой—плохо, но... при чемъ тутъ искусство? Передвижники забываютъ о немъ, заняты своими гражданскими сюжетами.

Для истиннаго художника нѣтъ ни дурныхъ, ни хорошихъ сюжетовъ, для него всякій сюжетъ хорошъ уже потому, что весь міръ—его сюжетъ, его драгоцѣнное достояніе. Надо только умѣть взять это достояніе. Пусть художникъ беретъ „сѣрыхъ людей”, но не для того, чтобы говорить толпѣ фразы изъ прописей и наводить ее на размышленія о борьбѣ классовъ, а для того, чтобы хоть одинъ изъ толпы зрителей увидѣлъ въ картинѣ скорбные глаза забитаго человѣка и нашель въ нихъ вѣрно схваченную искру художественной правды, а слѣдовательно и красоты. Пусть художникъ беретъ сюжетомъ пожаръ, но пусть онъ не подчеркиваетъ, что это пожаръ Прѣсни. — Вѣдь подоженная Прѣсня горитъ такимъ же яркимъ пламенемъ, какъ подоженный дворецъ. — Пусть художникъ будетъ безстрастнымъ по отношенію къ сюжету, но страстнымъ и даже пристрастнымъ къ тому, какими средствами преодолѣть взятый сюжетъ и найти и показать въ немъ правду-красоту. Пусть онъ изображаетъ съ одинаковой любовью какъ пожаръ Прѣсни, такъ и пожаръ дворца. Пусть будетъ онъ выше жизни, пока онъ художникъ, пока онъ творецъ. И въ этомъ пусть будетъ его подвигъ. Искусство не въ пер е д в и ж н и ч е ст вѣ, а въ п о д в и ж н и ч е ст вѣ. Показать толпѣ правду-

исину—подвигъ гораздо болѣе цѣнный и трудный, чѣмъ напомнить ей слабымъ и неубѣдительнымъ въ данномъ случаѣ языкомъ живописи о правдѣ-справедливости. О ней, о справедливости, художникъ можетъ куда лучше сказать толпѣ уже не въ качествѣ художника, а въ качествѣ гражданина. Но только прежде, чѣмъ взойти на трибуну жизни, пусть онъ временно броситъ кисти: онѣ ему такъ же помѣшаютъ говорить, какъ жизнь мѣшала ему творить.

Все это старо, какъ человѣческой духъ, и, казалось бы, повторять это нѣсколько, какъ будто, и неловко, но существованіе такихъ выставокъ, какъ „Передвижная”, убѣждаетъ въ противоположномъ. Очевидно, еще не пора перестать твердить скучныя, прописныя истины.

Впрочемъ, долженъ оговориться: подлинно-передвижническое начало на послѣдней выставкѣ изображено гораздо бѣднѣе, чѣмъ въ былое время. А вѣдь нынѣшній годъ повальныхъ обысковъ и поголовныхъ разстрѣловъ могъ бы дать передвижникамъ много подходящихъ „сюжетовъ” для

[100]

поученія толпы въ духѣ гражданской скорби. Очевидно, они теряютъ вѣру въ свою пропаганду кистью. Или, быть можетъ, поучительныхъ картинъ въ этомъ году меньше на „Передвижной” выставкѣ по причинамъ ничуть не эстетическаго, но полицейскаго характера? Какъ бы то ни было,— ихъ меньше. Но выставка отъ этого, къ сожалѣнію, ничуть не лучше.

Волковъ, Киселевъ, Клодтъ, Мясоѣдовъ, Бодаревскій, Маковскіе и прочіе „живописцы” фабрикують, какъ это повелось нзъ года въ годъ, всевозможныя роскошныя „Головки” для жестянокъ отъ карамели, „жанрики” для Нивы и разныя „Размыло”, „Потянуло” и тому подобныя „видики”, достойныя быть увѣковѣченными на олеографіяхъ. Все это мертвые духомъ. Живыхъ мало. У Рѣпина есть на этой выставкѣ два-три интересныхъ портрета (Л. Л. Толстого,

Ю. Рѣпина). Эскизы къ его картинѣ „Государственный совѣтъ”, вотъ уже два года выставяющіеся для обозрѣнія публики, очень холодны и имѣютъ много ремесленнаго, а большая черная картина „На развѣдкѣ”—просто какое-то недоразумѣніе. Изъ картинъ Жуковскаго, всегда являющихся на „Передвижныхъ” выставкахъ счастливымъ исключеніемъ, хороши: „У озера” и „Паперть”. Изъ прочихъ художниковъ интересны: Никифоровъ, Головковъ, Петровичевъ, Туржанскій, Холявинъ, Бялыницкій-Бируля. Вотъ и все, хоть сколько-нибудь положительное на этой выставкѣ.

Что касается помѣстившихся въ Пассаждѣ выставокъ: „Петербургскаго общества” и „Товарищества художниковъ”, то онѣ не имѣютъ ничего общаго съ искусствомъ. Не искусство объединяетъ здѣсь художниковъ, а выгода: картину, изготовленную для продажи, легче сбыть на выставкѣ, чѣмъ въ мастерской. Несмотря на то, что и здѣсь есть двѣ - три вещи, имѣющія живую душу, все же какъ-то не хочется говорить объ этихъ лавочкахъ, гдѣ Бобровъ, К. Маковскій, Кондратенко, Клеверъ, Саксень и подобные имъ признаются истинными жрецами искусства.

„Весенняя” выставка въ этомъ году очень плоха. Изъ 330 номеровъ едва можно найти десятокъ такихъ, на которыхъ отдохнетъ глазъ.

Столица даль цѣлый рядъ хорошихъ пейзажей, среди которыхъ выдѣляются: „Осеннія сумерки” и „Праздникъ”. Картины Зарубина хуже многихъ изъ прошлогднихъ, но все же очень содержательны. Лучше другихъ „Армянскій монастырь”. Интересенъ Бродскій („Улица въ провинціи”), Колесниковъ и кое-гдѣ Куликовъ въ своихъ многочисленныхъ этюдахъ. Кромѣ того, можно, пожалуй, упомянуть о „Флоксахъ” Кайгородова, гдѣ чувствуется много свѣту.

Самое удивительное на „Весенней” выставкѣ—это прикрѣпленные къ картинамъ ярлыки о преміяхъ и о приобрѣтеніи картинъ Академіи Художествъ.

По-моему, комиссия обезсмертила себя покупкой для Академіи такой, напрімѣръ, вещи, какъ „Римская ночь" Вещилова, гдѣ нѣтъ ни ночи,

[101]

ни рисунка, ни колорита, гдѣ нѣтъ ровн ничего, кромѣ сплошной безвкусицы. Такихъ „пріобрѣтеній" десятки не только на „Весенней" выставкѣ, но и на „Пассажныхъ", гдѣ Академія купила, между прочимъ, раскрашенные фотографіи работы Левченко.

Выставка „Міръ Искусства", по своей значительности, заслуживаетъ подробнаго отчета и требуетъ отдѣльной самостоятельной статьи. Потому я остановлюсь здѣсь на выставкѣ „Новаго общества художниковъ", помѣстившейся въ залахъ Академіи Наукъ.

Нѣкоторые изъ интересныхъ членовъ этого общества въ нынѣшнемъ году отсутствуютъ. Это жалко. Невольн вспоминаются прошлогодніе угрюмые пейзажи Богаевского, „Вѣтуръ" Гауша и особенно красочныя впечатлѣнія Николая Миліоти. Всѣ трое могли бы значительно усилить своими картинами интересную выставку „Новаго общества". Впрочемъ, какъ бы желая вознаградить публику за этотъ недостатокъ, нынѣшняя выставка дала новыхъ: Савинова, Линдемана, Некрасова, Средина, Стеллецкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Наиболѣе интересными показались мнѣ картины и этюды Савинова. Въ нихъ чувствуется просто и непосредственно воспринятый міръ, — міръ, преломленный сквозь человѣческую индивидуальность и одѣтый со всей искренностью художественной, полубезсознательной лжи въ ризы красоты. Лучшая вещь, вполне законченная, или, лучше сказать, въ мѣру не законченная, — это „Глѣбучевъ оврагъ въ Саратовѣ". Покривившаяся ветхая лачуга, построенная на какомъ-то бутрѣ изъ сваленнаго мусора, — жилье пригородной бѣдности; тутъ же внизу въ канавѣ бурлятъ грязныя весеннія воды;

у невысокого, кривого забора двѣ человеческія фигуры; куры роются въ мусорѣ по оврагу; на весеннемъ небѣ небольшія облака... Вотъ весь сюжетъ. Надо ли говорить, что не въ немъ, конечно, суть красоты, а въ чемъ-то томъ непередаваемомъ, что заставляетъ считать картину цѣльной. Это заткнутое въ оврагъ человеческое логовище такъ спокойно, такъ удобно покривилось, оно отдыхаетъ отъ злой зимы, спитъ подѣ журчанье сточныхъ водъ, согрѣтое весною. И небо надъ нимъ течетъ равнодушное и прекрасное, такое спокойное и значительное... Именно значительнымъ хочется назвать въ этой картинѣ весеннее задумчивое небо. Оно, пожалуй, самое важное въ ней дѣйствующее лицо. Въ картинахъ Савинова нравится мнѣ изысканная тусклость матово-сѣрыхъ глубокихъ тоновъ, позволяющая художнику иногда очень умѣло пользоваться эффектнымъ пятномъ, какъ, напримѣръ, въ одномъ изъ его этюдовъ, гдѣ сверкаетъ снѣжная полоска озера, или въ небольшой картинѣ „Ночь“, гдѣ тускло-сѣрая ночная сырость стелется ровнымъ пологомъ, отнимая у предметовъ ихъ очертанія, и сквозь сѣрую пелену глядятъ только мерцающія рубинами и сапфирами звѣзды. Все сдѣлано безъ преувеличеній, со спокойной скромностью. Кромѣ „Оврага“, изъ

[102]

десятка картинъ Савинова выдѣляются: тихій „Май“, спокойный „Юль“ и особенно мятежный „Конецъ августа“ (рѣка сквозь цвѣты свѣтится). Всюду здѣсь видно умѣнье поставить всякій предметъ на свое мѣсто, видна увѣренность и смѣлость. Конечно, не обошлось безъ постороннихъ вліяній, чисто внѣшнихъ, не обошлось и безъ нѣкоторой излишней грязноты въ тонахъ, но все же въ картинахъ Савинова слышится сказанное художникомъ свое собственное слово. Я не помню, чтобы мнѣ приходилось на выставкахъ

последних лет видят картины Савинова. Надо думать, он—молодой художник. Хочется, чтобы он не застывал, шел вперед и сказал свое слово до конца.

Семейный портрет Полных работы Кустодиева очень содержателен и серьезен. Фигура девочки с кошкой— лучшее место не только этой картины, но и всех выставленных художником произведений этого года. Интересен и автопортрет Кустодиева (в охотничьем костюме, с ружьем и убитой дичью). Прочие картины его сказали мне мало; „Сирень” же, по-моему,—вещь совсем неудавшаяся.

Из пейзажей Латри лучшей—„Оттепель”. Темно-серые отсырившие стволы деревьев у канавы очень хороши: они уже дышат весной, еще далекой. Картина, названная „Безпокойный день”, и этюд с телгой на первом плане также имеют много ценного по своей непосредственности. Но все-таки два прошлогодних картины—„Бассейн” и „Голубая ваза”—гораздо выше всего выставленного художником в нынешнем году.

То же можно сказать и про Делла-Вось-Кардовскую. Из выставленных ею вещей лучшая, пожалуй, „Полуденные тени”, хотя, впрочем, сделано все как-то нудно и не просто.

„Первый снег” и „Весна” Околовича страдают неприятной чернотой и совсем ненужной отчетливостью линий. Что-то сухое, чертежное: пахнет геометрией.

Мурашко плох: слишком много слащавости в этой невыносимой манере выписывать, „вылизывать” лица.

Пирогов производит вялое впечатление, несмотря на его далеко не вялый мотив („Финиш” на скачках) и совсем не вялые, излишне-крикливые тона.

Некоторые этюды Штурмана очень непосредственны. Видно, что

художникъ борется съ матеріей, ловить ускользящіе тона и формы и часто схватываетъ ихъ, и побѣждаетъ, и запечатлѣваетъ.

Стеллецкій своеобразенъ, но далеко не во всѣхъ своихъ скульптурныхъ вещахъ. Очень интересенъ его „Фризь” съ рядомъ стилизованныхъ всадниковъ, хороша также всадникъ съ лукомъ, „Боярыню” же, раскрашенную безжизнен-

[103]

ную куклу, по-моему не слѣдовало выставять совсѣмъ. Кромѣ скульптуры, Стеллецкій выставилъ четыре картины изъ старо-русскаго быта. Несмотря на попытки художника точно подражать наивному стилю тѣхъ временъ, все же всѣ эти „Дѣвицы” и „Отправленія на охоту”—дѣти двадцатаго вѣка: нѣтъ искренности и вмѣсто нея кое-гдѣ проглядываетъ иронія.

Скульптурныя вещи Шервуда мнѣ не понравились. Его громадный горельефъ, изображающій человѣка съ искаженнымъ лицомъ и протянутой, чрезмѣрно длинной рукой, на которую садится гигантская сова, никому не можетъ быть нуженъ. Я думаю, что и самому художнику эта тяжелая машина совсѣмъ не была нужна, когда онъ надъ ней работаль.

Безусловно хороши проникнутые тонкимъ дыханіемъ стиля небольшіе архитектурные рисунки Фомина. Лучшіе: „Empire”, „Ворота Кнтай-Города” и „Градская больница”.

Очень серьезны и спокойны мотивы орнаментовъ Щусева, такъ же, какъ его оригинальный эскизъ собора.

Иллюстраціи Кардовскаго къ гоголевскому „Невскому проспекту” очень интересны, но не всѣ одинаково тонки, не всѣ проникнуты гоголевскимъ духомъ. Лучшій рисунокъ, по-моему, тотъ, гдѣ изображенъ Невскій проспектъ ночью: въ этомъ странномъ, стремительномъ движеніи въ темнотѣ темныхъ флгуръ есть какая-то фантастичность.

Intérieur'ы Петрова очень точны, вѣрны въ смыслѣ рисунка, все прекрасно выписано... и остаешься ко всему этому совершенно равнодушенъ.

Невольно сравниваешь этого художника съ грѣшнейшимъ рисункомъ
Луговской, которая тонко схватываетъ только нужныя очертанія предметовъ.
Въ ея небольшой акварели (сценка изъ дѣтской жизни) есть интимность,
указывающая на зоркость художницы.

Конст. С ю н н е р б е р г ъ .

7 марта 1906.

С.-Петербургъ.